

В. В. СТАСОВ

**ИЗБРАННЫЕ
СОЧИНЕНИЯ**

3

ИЗДАТЕЛЬСТВО

В. В. Стасов. Избранные сочинения в трех томах. Живопись, скульптура, музыка. Том третий // Государственное издательство "Искусство", Москва, 1952

FB2: "rvvg ", 27 November 2013, version 1.0

UUID: 3C3E1DA5-1BB9-4114-8CFD-BFF775A3CE67

PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Владимир Васильевич Стасов

**Две передвижные выставки
в Одессе**
(Художественная критика)

историк искусства и литературы, музыкальный и художественный критик и археолог.

Содержание

#1.....	0005
КОММЕНТАРИИ.....	0013

В. В. Стасов

**Две передвижные выставки
в Одессе**

Когда в начале нынешнего года разнеслись слухи о том, что Академия художеств намерена посылать по России передвижные выставки, — многие, горячо симпатизирующие Товариществу передвижников, испугались и приуныли. Им показалось, что новая инициатива будет подрывом для излюбленного ими Товарищества, что она повредит выставкам передвижников, помешает их дальнейшей честной, благородной, благодетельной деятельности. Это было напрасное опасение. Мало того: это было странное опасение, лишенное той самоуверенности, которая необходима во всяком хорошем, общепольном деле. Сверх того, спрашивается: какая надобность быть в художественном деле монополией, частной или официальной? Я буду искренне радоваться, когда будут существовать в нашем отечестве не две, а хотя бы двадцать две художественные передвижные выставки. Пускай посылают их и Академия художеств и все школы художественные, какие у нас есть в Киеве, Варшаве и т. д. Россия от этого только выиграет. На что нужно, чтобы только одни художники имели право предпринимать то-

то и то-то, а все другие лишены были этого права? Это совершенно нехорошо и несправедливо. Одни другим ничуть не должны мешать, и всякий может стараться, без всякой помехи с чьей бы то ни было стороны, принести обществу ту долю пользы, какую может. Эгоизм может только вредить.

Но вот, с началом весны осуществились эти выставки, о которых-было столько говорено в продолжение нескольких месяцев. Случай сделал то, что обе выставки, Академии художеств и Товарищества передвижников, очутились одновременно в Одессе, да еще на придачу открылась там же еще третья выставка, Айвазовского. Что же оказалось? То, что одна выставка ничуть не мешает другой и что Товарищество передвижников ничуть не потерпело от соседства других выставок. Напротив, выходит, что оно находится в каком-то особенном авантаже и пользуется необыкновенными симпатиями одесской публики, у меня теперь перед глазами отзвучивает несколько одесских газет, и в них я нахожу немало характерного и интересного. Полагаю, что кстати будет привести оттуда

несколько отрывков.

«Новороссийский телеграф» писал: «Картины Товарищества передвижных выставок прибыли к нам после того, как в Одессе открылись Уже две выставки, расположившиеся с большим удобством и комфортом в лучших залах города. Лишь благодаря гостеприимству членов Английского клуба удалось передвижникам добыть сколько-нибудь сносное помещение. Правда, оно не совсем удобно для правильного размещения картин, но что же делать, приходится мириться и с этим... Но конкуренция и неудобства помещения не повлияли на успех выставки передвижников. Одесса встретила их весьма радушно и, повидимому, отнеслась к ним с живым интересом. Об их картинах говорят, горячо спорят, их критикуют, разбирают, внимательно всматриваются, к некоторым снова возвращаются по несколько раз. Видно, что картины затронули зрителя за живое, пробудили интерес; а согласитесь, что это довольно редкое явление в нашей серенькой будничной жизни. Не повредило также передвижникам одновременное присутствие академической выставки.

Наоборот, по общим отзывам, ближайшее знакомство с продуктами академического творчества выдвинуло выставку передвижников, выказало воочию их достоинства, их преимущества... Искренность и правда в искусстве выступят ярче при близком соседстве произведений классической школы. Передвижники и на этой выставке (14-й) остались верными своей задаче — изображать русскую жизнь так, как она есть, без подмалевки и всяких прикрас, правдиво и верно действительности. На смену талантливых художников, положивших основание Товариществу передвижных выставок, идут молодые силы, с тою же любовью относящиеся к искусству, работающие в том же направлении...» Затем идет самый симпатичный отчет о пейзажах гг. Вжеща, А. Васнецова, Ендогурова, Дубовского, Киселева, Волкова, Кузнецова, Бегрова, Шишкина.

Про авторов картин бытовых «Телеграф» говорит: «За 15 лет, протекших со дня организации Товарищества передвижных выставок, Репин, Крамской, Поленов, Лемох, Мясоедов, В. Маковский, Прянишников, Максимов, Са-

вицкий, Ярошенко сделали уже так много для жанра, с такой энергией и любовью работали, не покладая рук своих, для искусства, что отсутствие кого-либо из них бросается в глаза, тотчас же делается заметным, ощутительным... Но публика забывает, что творчество имеет свои пределы, свои законы, не подчиняющиеся спросу толпы... Нельзя же ведь ежегодно производить такие замечательные произведения, как „Анна Каренина“, „Война и мир“, „Рудин“, „Дворянское гнездо“, как „Не ждали“, или „Иоанн Грозный над трупом сына“ Репина...» Вслед за тем автор выражает сожаление, что «на долю 14-й передвижной выставки выпал период отдыха самых крупных жанристов, составляющих гордость и славу талантливой плеяды русских художников», и дает отчет о присланных в Одессу картинах и портретах Репина, Савицкого, В. Маковского, Поленова. Он особенно восхищается «Партией в карты» В. Маковского, «Матерью и дочерью» его же, «Больною» Поленова.

В «Одесском листке» мы встречаем такие суждения: «Судьба! Точнее сказать, какая ирония судьбы! Это своего рода тень Банко, пре-

следующая наших академиков. Нужно же было случиться так, чтобы они встретились у нас в Одессе, в двух шагах одна от другой. Мы говорим о художественных выставках, академической и товарищеской, почти одновременно открывшихся у нас. Эти две выставки, точнее говоря, борьба этих двух выставок переносит нас в эпоху недавней борьбы романтизма с классицизмом, борьбы ожесточенной, исполненной самых одушевленных чувств, самых высоких принципов, идейных начал... Но разве и на нашей художественной арене нет своих Викторов Гюго в лице Репина и Крамского, этих новейших электрических светил русского художества, порвавших связи со всеми рутинными условностями, которые составляют *conditio sine qua non* академического Парнаса...

Вчера нам довелось пройти среди передвижной выставки Товарищества, и на нас сразу пахнула свежая струя этого романтизма, этого оппозиционного элемента в искусстве, этого либерализма, сказали бы мы, если бы это слово не было так опошлено... На вас сразу со всех этих полотен пахнет свежий

воздух, вы сразу очутитесь среди реформаторов, новаторов, этих вечных рычагов прогресса...» И после таких общих соображений, автор с симпатией разбирает пейзажи Шишкина, Волкова, картины М. П. Клодта, Кузнецова, Литовченко, портреты Репина (дочь художника), Кузнецова (профессор Мечников), Крамского (профессор В. С. Соловьев) и т. д.

В другой статье той же газеты было сказано: «Очевидно, живая сила, руководящая небольшою группою русских художников, продолжает работать и крепнет с каждым годом, а высокая заслуга общества передвижных выставок более и более вырастает...» Свой обзор картин статья эта кончает так: «Если мы прибавим, что всех картин на выставке 92 и что из них добрая половина превосходны, то нет нужды делать дальнейших заключений о достоинстве этой передвижной выставки...»

В «Одесском вестнике» также помещен был очень сочувственный обзор выставки передвижников. Всего больше похвалены были: «Омут» Волкова, портрет профессора Влад. Соловьева — Крамского и «Больная» Поленова, а

после них, портрет профессора Мечникова — Кузнецова, портреты профессора Менделеева и адвоката Спасовича — Ярошенко и «Гетманша» Бодаревского.

Не знаю, как отзывались об обеих передвижных выставках прочие одесские газеты, но и приведенные примеры кажутся мне очень значительными и интересными. Они свидетельствуют, что и провинция наша просыпается и растет в деле искусства, что ее понятия начинают развиваться. А главное, что она уже не желает более ничего принимать на веру, как другие указали, как принято, а старается действовать собственным умом и понятием. Явление в высшей степени, утешительное.

1886 г.

КОММЕНТАРИИ

«ДВЕ ПЕРЕДВИЖНЫЕ ВЫСТАВКИ В ОДЕССЕ». Статья впервые опубликована в 1886 году («Новости и биржевая газета», 2 ноября, № 302).

Написана по поводу четырнадцатой выставки передвижников на основе информации из Одессы. Статья представляет значительный интерес. Она отражает те события, которые происходили в это время в жизни передвижников и в русском искусстве вообще.

Если на двенадцатой выставке Товарищества экспонировались такие замечательные полотна реалистического искусства, как «Не ждали», «Неутешное горе», портрет Стрепетовой работы Ярошенко, а на тринадцатой — такое произведение Репина, как «Иван Грозный и сын его Иван 16 ноября 1581 года», то на четырнадцатой выставке не было представлено каких-либо выдающихся картин, которые могли бы привлечь особое внимание. Указанным обстоятельством воспользовался консервативный лагерь. В печати появились толки о том, что искусство передвижников

теряет свое лицо и что, может быть, не мешало бы теперь Товариществу слиться с общей массой художников и с Академией. Подобные высказывания не были случайностью. В борьбе с Товариществом Академия в начале 1886 года пришла к выводу о необходимости организовать свои передвижные выставки, которые конкурировали бы с выставками Товарищества. Эта попытка не была первой. Еще в 1874 году под руководством Академии в целях борьбы с передвижниками было задумано организовать Общество выставок художественных произведений (см. статью «Художественные выставки 1879 г.» и комментарии к ней, т. 2). Общество после седьмой выставки прекратило свое существование. В начале 1886 года на страницах «Нового времени» появилось сообщение, что Академия будет устраивать свои передвижные выставки. Крамской по этому вопросу писал А. П. Боголюбову 21 февраля 1886 года: «...Что это такое начинается вообще? Что из сего может произойти, и какую роль следует играть Товариществу в будущем?.. История всегда обходится благополучно без помощи тех, кто не поймет своевре-

менно, когда надо пойти с нею в ногу. В чем наша идея? И идея Товарищества? Что давало ему жизнь и силу? И чего не могли сломить ни сила власти, ни сила интриги, ни сила денег?» И Крамской отвечал: «А вот что: Товарищество действительно и искренно делало полезное общественное и, скажу больше, даже государственное дело... Мы, именно мы, доказали, что то, что мы делали, хорошо. По нашим следам приказано итти Академии. Это большое утешение, — говорил Крамской, — но есть и опасность. Академия (как она есть) дела этого не сделает так, как нужно. Когда-то многие говорили: „Вот теперь пора и можно слиться с Академией“. Я не думал этого. Но теперь я договариваю... «Пора». Но как и по какому поводу? «Это, конечно, грозит смертью и самому Товариществу, как таковому, но что до формы, когда живет дух? — продолжал Крамской. — „У нас есть еще живая душа, но на нее коварно посягают, будем мудры и спасем дело“. И он заключал: „Привьем Академии свою заразу, а там, что бог даст“ (I, 394–396).

Эта точка зрения Крамского не была слу-

чайной. В какой-то мере она отражала процесс расслоения Товарищества, который в начале 90-х годов приведет к тому, что в стены Академии войдет ряд передвижников (см. статью „Двадцатилетие передвижников“ и комментарии к ней, т. 3). Стасов не разделял этой позиции. И Крамской 16 июля, когда выставки были организованы, ставил вопрос перед Стасовым: „Скажите, какой резон остается у Товарищества для дальнейшего устройства обособленных передвижных выставок?.. Выставка наша и выставка академическая уже давно сравнялись... И в глазах нашего неразвитого общества, как на взгляд всякого из публики, одна выставка и другая почти равны. Что же будет в провинции? — заключал Крамской. — Уж, конечно, там еще менее могут разобратся, там мы будем просто конкуренты. Печально“ (I, 415). И как бы в ответ Крамскому на волнующие его вопросы, являвшиеся выражением не только его личных сомнений, но и мнений ряда других передвижников, Стасов следит за откликами на две параллельно открытые выставки (нахождение четырнадцатой выставки передвижников в

Одессе совпало с пребыванием там передвижной выставки Академии), изучает отзывы критики и дает свою статью.

Комментируемая статья характерна также в том отношении, что со свойственным Стасову демократизмом он не игнорирует провинциальную печать и не отделяет ее от столичной, что было свойственно консервативной прессе, а наоборот, тщательно следит за ней, публикуя сводки критических высказываний в столичных газетах и журналах. Этот же прием борьбы с консервативной и реакционной критикой Стасов использовал в своем очерке „Тормозы нового русского искусства“ (см. т. 2).